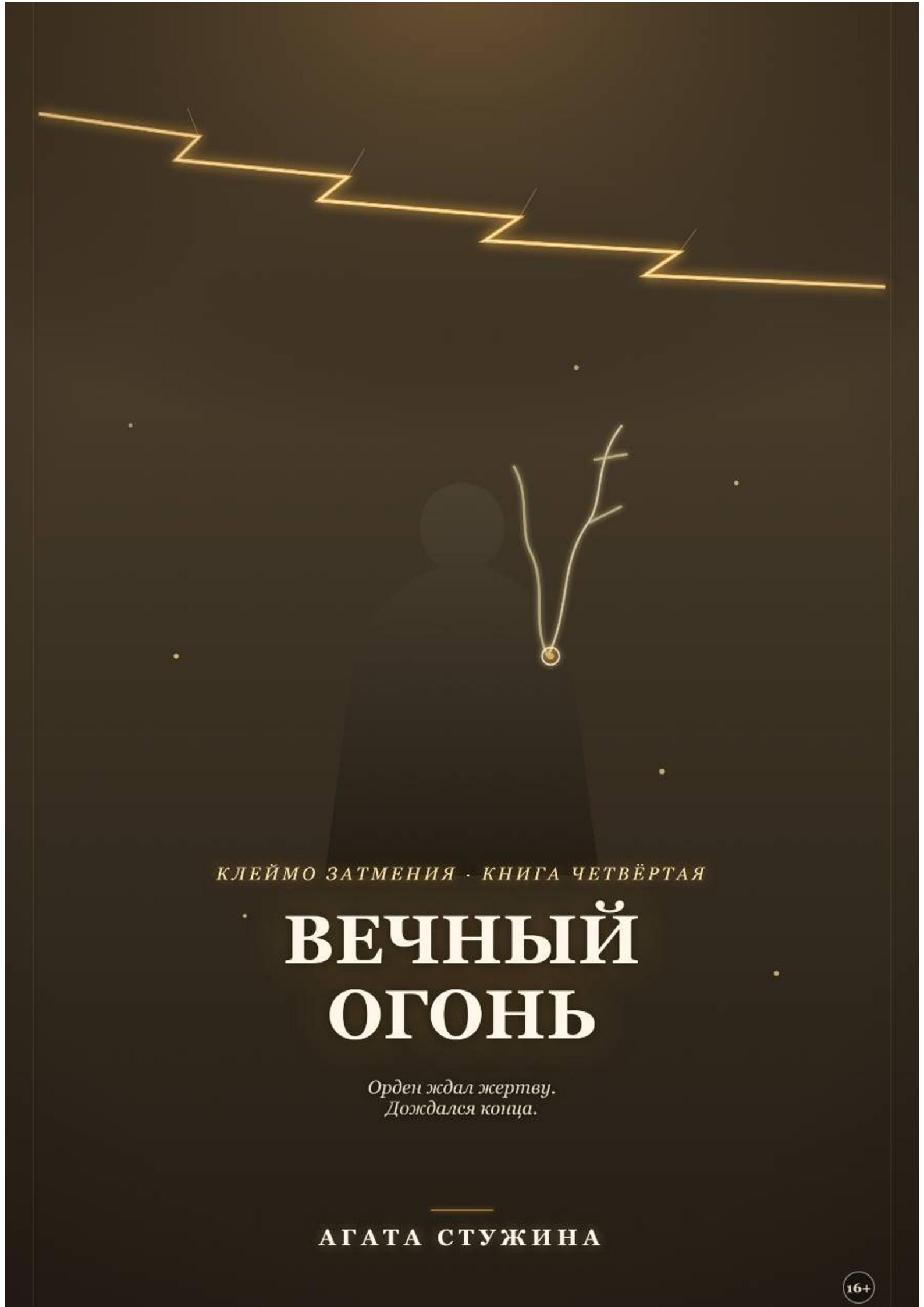

КЛЕЙМО ЗАТМЕНИЯ · КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Орден ждал жертву.
Дождался конца.

АГАТА СТУЖИНА

16+

Агата Стужина

Вечный огонь

«Автор»
2026

Стужина А.

Вечный огонь / А. Стужина — «Автор», 2026

Пока коалиция отвлекает гарнизон у стен столицы, малая группа ищет единственный шанс остановить «Обряд Вечного Пламени» — не разрушив его, а вернув к изначальной, благой цели, преданной три века назад. Цена ошибки — не просто провал. Это гибель всего, ради чего они рисковали целый год.

© Стужина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вечный огонь 5
Глава 1. Груз рассвета 6
Глава 2. Внутри стен 7
Глава 3. Ольгерд прощается 8
Глава 4. Три кольца города 9
Глава 5. Первый пропуск 10
Глава 6. Слухи о войне 11
Глава 7. Скрытый дом 12
Глава 8. Родерик в городе 13
Глава 9. Слежка 14
Глава 10. Хранительница Милада 15
Глава 11. Второе кольцо 16
Глава 12. Заря вспоминает больше 17
Глава 13. Донесение с фронта 18
Глава 14. Альрик разведывает 19
Глава 15. Ловушка для Альрика 20
Глава 16. Цена спасения 21
Глава 17. Совет в тени 22
Глава 18. Слуга Пастыря 23
Глава 19. Родерик встречает Ясну 24
Глава 20. Сделка с Родериком 25
Глава 21. Третье кольцо 26
Глава 22. Ночь перед вратами 27
Глава 23. Хранительница Милада (личная встреча) 28
Глава 24. Тайна Милады 29
Глава 25. У врат Святилища 30
Глава 26. Врата не поддаются 31
Глава 27. Милада открывает путь 32
Глава 28. Внутри Святилища 33
Глава 29. Записи хранителей 34
Глава 30. Западный фронт 35
Глава 31. Дрок держит линию 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Агата Стужина
Вечный огонь

Вечный огонь

Агата Стужина

Часть первая. Город трёх колец

Глава 1. Груз рассвета

Телега качнулась на очередной выбоине мощёной дороги, и Ясна, свернувшись в тесной, пропахшей зерном полости между мешками, почувствовала, как сердце колотится где-то в горле, — не от неудобства укрытия, а от близости момента, ради которого весь долгий путь от северной усадьбы вообще имел смысл.

— Тихо, — едва слышно шепнула Хвоя откуда-то из соседнего мешка. — Ворота уже видны. Ольгерд говорит, стража меняется — самое время.

Ясна вслушивалась в звуки снаружи с тем обострённым, почти болезненным вниманием, какое приходит только в минуты настоящей опасности, — скрип колёс, стук копыт, отдалённые голоса стражи, привычно переговаривающейся у ворот с возчиками, чьи лица они помнили в лицо годами.

— Доброе утро, Ольгерд, — донёсся до неё грубоватый, но не враждебный голос стражника. — Зерно на кухни, как обычно?

— Как обычно, — спокойно, буднично ответил Ольгерд, и в голосе его не было и намёка на волнение, терзавшее скрытых в телеге спутников. — Прибавили норму в этом месяце — двор велел готовиться к торжествам солнцестояния загодя.

Стражник хмыкнул что-то одобрительное, и Ясна услышала, как тяжёлые, окованные железом ворота со скрипом начали открываться, — момент, которого она ждала и боялась одновременно с той самой ночи, когда план об укрытии в зерне впервые прозвучал у походного костра.

Телега покатилась вперёд, и по звуку — сменившемуся эху копыт и колёс от узкой дороги к более широкому, гулкому пространству — Ясна поняла: они внутри. Внутри Сольгарда. Внутри самого сердца Ордена Пламени, куда ещё год назад она и представить не могла, что однажды решится войти по собственной воле, а не в цепях пленницы.

Никто не окликнул их снова, никто не остановил телегу для внезапной проверки груза, — но напряжение внутри тесного укрытия не отпускало ещё долгие, томительные минуты, пока телега не свернула, судя по звуку, в более тихий переулок, и голос Ольгерда, понизившись до едва слышного шёпота, не подал долгожданный сигнал:

— Можно дышать свободнее. Первые ворота позади.

Глава 2. Внутри стен

Убедившись, что переулок пуст, Ольгерд остановил телегу в тени высокого, ничем не примечательного склада и помог спутникам выбраться из тесных укрытий среди мешков, — Ясна, разминая затёкшие члены, впервые за долгий путь смогла увидеть Сольгард не издалека, с вершины дальнего холма, а изнутри, вплотную, во всей его подавляющей, многовековой громаде.

Улицы, по которым они шли, стараясь не привлекать внимания, поражали воображение куда сильнее, чем любое описание Дягиля или даже панорама, открывшаяся им с холма несколько недель назад, — узкие, мощёные камнем переулки внезапно распахивались в широкие проспекты, вдоль которых тянулись фасады домов, украшенные искусной резьбой, а вдалеке, поверх крыш, неизменно виднелся сияющий купол Святилища, венчающий центральный холм города, будто напоминание о цели, ради которой все они здесь оказались.

Заря, шедшая рядом с Ясной, вдруг замедлила шаг, глядя на резной фасад одного из зданий с выражением лица, в котором смешались узнавание и застарелая, глубоко похороненная боль.

— Что такое? — тихо спросила Ясна, беря её за руку.

— Я узнаю это здание, — прошептала Заря. — Не помню откуда, не помню зачем, но узнаю — так же, как узнала дверь для слуг, о которой рассказывала вам месяцы назад. Город будто пытается вспомнить меня в ответ, обрывок за обрывком.

— Это тяжело для тебя? — с тревогой спросил Сорен, державшийся с другой стороны от неё.

— Тяжело, — честно призналась Заря. — Но не невыносимо. Не так, как было бы, если бы меня привезли сюда снова закованной, а не идущей своими ногами, рядом с теми, кому я доверяю.

Кассий, шедший чуть впереди в качестве проводника — единственный из всех, кто действительно знал устройство города по годам собственной службы, — обернулся с предостерегающим взглядом.

— Не задерживайтесь на одном месте дольше необходимого, — тихо предупредил он. — Патрули городской стражи здесь привычны замечать любую заминку в потоке обычных прохожих скорее, чем где бы то ни было ещё в королевстве.

Они продолжили путь короткими, уверенными перебежками от одного неприметного укрытия к другому, следуя маршруту, заранее размеченному Ольгердом на грубой, наспех начерченной карте, — и с каждым пройденным кварталом Ясна всё яснее ощущала: пути назад, если что-то пойдёт не так, у них теперь действительно не существовало.

Глава 3. Ольгерд прощается

К полудню отряд достиг границы внешнего кольца города — той черты, за которой начинался более строго охраняемый, административный квартал, куда Ольгерд, при всей своей смелости, не решался заходить даже под самым надёжным прикрытием.

— Дальше я не пойду, — сказал он, останавливаясь у неприметного перекрёстка, отмечавшего границу его привычных маршрутов возчика. — Не потому, что боюсь за себя, — я слишком стар, чтобы бояться собственной судьбы больше, чем судьбы дочери, которую давно потерял. Но моё появление во втором кольце без обычного, законного повода привлечёт внимание быстрее, чем любая ваша самостоятельная попытка затеряться среди толпы.

Ясна крепко пожала ему руку, чувствуя, как в груди у неё нарастает искренняя благодарность к человеку, рисковавшему всем ради людей, которых знал от силы несколько недель.

— Мы не забудем того, что ты сделал, — сказала она. — Что бы ни случилось дальше.

— Не благодари меня раньше времени, дитя, — с грустной улыбкой ответил Ольгерд. — Благодари, если у тебя получится то, ради чего ты сюда пришла. А если нет — что ж, я хотя бы буду знать, что попытался сделать нечто большее, чем просто возить зерно до конца своих дней, храня память о дочери в одиночестве.

Он вручил Кассию последнюю, тщательно составленную карту с отмеченными безопасными переулками второго кольца — сведения, собранные годами осторожных наблюдений, — и, коротко попрощавшись с каждым из отряда поочерёдно, растворился в толпе горожан, спешащих по своим обычным, будничным делам, будто и не было никогда этой рискованной, важной для судьбы целого королевства встречи.

— Хороший человек, — тихо заметила Хвоя, глядя ему вслед.

— Из тех немногих, что делают всю эту войну не напрасной, вне зависимости от её исхода, — согласился Сорен.

Ясна долго смотрела туда, где скрылась фигура возчика, чувствуя, как груз ответственности за жизни всех, кто рисковал ради неё — от Ольгерда до Осокоря, от Руты до самой Зари, — ложится на плечи весом, каким не ложился ни разу прежде за весь этот долгий, полный потерь путь.

— Идём, — сказала она наконец, поворачиваясь к границе второго кольца. — Нельзя терять время, которое он купил для нас ценой собственного риска.

Глава 4. Три кольца города

Пока отряд искал безопасное укрытие для короткого отдыха перед дальнейшим продвижением, Кассий, воспользовавшись паузой, обрисовал спутникам устройство Сольгарда во всех подробностях, какие успел изучить за годы собственной службы Ордену.

— Город построен тремя концентрическими кольцами, — объяснял он, рисуя грубую схему на утоптанной земле заброшенного двора, где они устроили временную стоянку. — Внешнее кольцо, в котором мы сейчас находимся, — обычные горожане, ремесленники, торговцы. Здесь стража многочисленна, но не особенно бдительна — привыкла иметь дело с мелкими нарушениями порядка, не с настоящими угрозами.

— А среднее? — спросила Ясна, внимательно разглядывая схему.

— Административный и храмовый квартал, — продолжил Кассий. — Здесь живут и работают чиновники Ордена, младшие служители, писцы, здесь же расположены малые храмы, где обычные горожане возносят молитвы Вечному огню, не имея доступа к самому Святилищу. Охрана здесь серьёзнее — не только городская стража, но и собственные патрули Ордена, привыкшие проверять документы и полномочия куда внимательнее.

— А третье? — тихо спросил Сорен, хотя, судя по всему, уже догадывался об ответе.

— Само Святилище и прилегающие к нему земли, — сказал Кассий, обводя внутренний круг схемы жирной линией. — Доступ туда имеют лишь члены внутреннего круга, их личная охрана и немногочисленные проверенные слуги. Простому смертному, даже облечённому властью в среднем кольце, туда путь заказан без прямого приглашения или особой надобности.

Заря, слушавшая объяснение с напряжённым вниманием, добавила собственное, обрывочное, но ценное наблюдение.

— Между вторым и третьим кольцом есть проход для слуг, — сказала она. — Не главные врата — их я тоже помню, огромные, украшенные искусной резьбой, — а именно тот, боковой, скромный проход, о котором я рассказывала ещё до нашего первого визита сюда. Если он всё ещё существует в том виде, каким я его помню, это наш лучший шанс миновать самую плотную охрану.

— Значит, наш путь лежит через все три кольца поочерёдно, — подытожила Хвоя, — с нарастающей сложностью на каждом новом этапе.

— Именно так, — подтвердил Кассий. — И у нас нет права на ошибку ни на одном из них — если нас разоблачат в первом кольце, мы просто привлечём внимание городской стражи. Если во втором — рискуем столкнуться с самим Орденом раньше времени. А в третьем...

Он не закончил фразу, но все и без того понимали, чем обернётся провал так близко к цели их долгого, полного жертв пути.

Глава 5. Первый пропуск

Переход из внешнего кольца во второе требовал документов, каких у отряда, разумеется, не было, — и следующие несколько часов Кассий провёл, используя оставшиеся у него связи и собственное, годами отточенное знание бюрократических порядков Ордена, чтобы раздобыть хоть какое-то правдоподобное прикрытие.

— У меня есть старый знакомый, — сказал он, вернувшись после осторожной вылазки в одиночку, длившейся куда дольше, чем рассчитывали остальные, с явным облегчением на измождённом лице. — Младший писец, задолжавший мне услугу ещё с тех времён, когда я мог по одному слову испортить или спасти чью-то карьеру. Он согласился, не без колебаний, выправить временные пропуска на вымышленные имена — якобы делегация провинциальных сборщиков податей, прибывшая с отчётом накануне солнцестояния.

— Он не выдаст нас? — тревожно спросила Хвоя.

— Не сразу, — честно ответил Кассий. — Но и не по злому умыслу, если и выдаст, — люди в его положении редко способны выдержать давление допроса, если дело дойдёт до подозрений. Будем полагаться на то, что до допроса дело не дойдёт, пока мы не окажемся достаточно далеко от его причастности к делу.

Пропуска, полученные к вечеру, выглядели убедительно — потрёпанные, испещрённые печатями, с именами, каких никто не стал бы проверять слишком пристально среди десятков подобных делегаций, стекающихся в столицу перед крупным торжеством.

— Ясна Верес отныне зовётся Милена, дочь провинциального податного старосты, — с невесёлой усмешкой сообщил Кассий, раздавая поддельные документы. — Сорен — её сопровождающий охранник, Хвоя — служанка, я — сам староста, а Заря...

Он замялся, взглянув на Зарю с явным сочувствием.

— Заря останется в укрытии до тех пор, пока это возможно, — тихо закончил он. — Её лицо слишком хорошо знакомо некоторым в этом городе, чтобы рисковать открытым появлением там, где могут оказаться те, кто её помнит по прежней службе.

Заря, хоть и явно разочарованная подобным ограничением, кивнула с пониманием, свойственным человеку, слишком хорошо знающему цену неосторожности в подобном деле.

— Я подожду своего часа, — сказала она твёрдо. — Но когда придёт время войти в Святилище, я пойду с вами, что бы ни говорили прежние предосторожности.

Глава 6. Слухи о войне

С новыми, пусть и шаткими документами отряд впервые смог позволить себе двигаться по городу открыто, не таясь в каждом переулке, — и Ясна, идя по оживлённым улицам второго кольца в облике простой провинциальной девушки, впервые получила возможность услышать настроения самих горожан Сольгарда без посредничества чужих пересказов.

— Слышали, осада на западе всё не кончается? — донёсся до неё разговор двух торговок у ближайшего прилавка. — Мой племянник служит в гарнизоне, пишет, что потери растут с каждым днём.

— Говорят, мятежники какие-то, — отозвалась вторая. — Не пойму, чего им неймётся — живём-то не хуже прочих провинций, разве что подати чуть повыше в последние годы.

— А ещё говорят, — понизив голос, добавила первая, — что дело не просто в мятеже. Что Пастырь сам что-то затевает к солнцестоянию, да такое, о чём даже в храме не всякий дьякон осмелится заговорить вслух.

Ясна, стараясь не выдать своего внимания к разговору, продолжила путь мимо прилавка, чувствуя, как каждое подобное обрывочное замечание подтверждает: даже здесь, в самом сердце Ордена, далеко не все жители столицы слепо верят в безупречность официальной доктрины.

— Люди боятся сильнее, чем показывают, — тихо заметил Сорен, шедший рядом в роли её мнимого охранника. — Слухи о войне на западе достигли даже тех, кто предпочёл бы вовсе не задумываться о делах, выходящих за пределы собственной лавки или мастерской.

— Это может сыграть нам на руку, — так же тихо ответила Ясна. — Страх и сомнение среди простых горожан — не то же самое, что открытый мятеж, но и не то единодушное почитание Ордена, на какое, полагаю, рассчитывал Пастырь три века подряд.

Они продолжили путь через торговые ряды, впитывая обрывки разговоров, слишком многочисленные и слишком разрозненные, чтобы сложить из них цельную картину, но достаточные, чтобы убедиться: тревога, посеянная осадой коалиции на западе, проникла куда глубже, чем мог предполагать сам Верховный Пастырь, вероятно, привыкший считать простой народ столицы вечно спокойным и вечно преданным делу Ордена.

Глава 7. Скрытый дом

К исходу дня, когда усталость от постоянного напряжения начала брать своё, отряд наконец достиг адреса, переданного Дягилем ещё до похода, — скромного, ничем не примечательного дома на тихой улице второго кольца, где, по заверениям сети, жил один из немногих надёжных связных внутри самой столицы.

Хозяином дома оказался пожилой ремесленник по имени Твердило, изготовлявший на продажу простую глиняную утварь, — человек, чья неприметная профессия годами служила идеальным прикрытием для куда более рискованной, тайной деятельности.

— Дягиль предупредил о вашем возможном визите ещё месяц назад, — сказал он, впуская отряд через чёрный ход в свою мастерскую, заваленную готовыми и незаконченными изделиями. — Не ждал, признаться, что вы действительно доберётесь так далеко живыми и невредимыми.

— Нам нужно на несколько дней укрытие, — сказала Ясна, — и любые сведения, какими вы располагаете о внутреннем устройстве Ордена, что могут оказаться нам полезны.

Твердило долго разглядывал её при свете единственной масляной лампы, освещавшей мастерскую, — не с недоверием, а скорее с тем же благоговейным любопытством, с каким прежде смотрели на неё многие, узнавшие о её истинном происхождении.

— Значит, правда, — тихо произнёс он. — Меченая из Вербовки действительно добралась до Сольгарда. Слухи об этом расходятся среди своих быстрее, чем можно было бы подумать, учитывая, насколько осторожно мы обычно передаём подобные вести.

— Слухи расходятся и среди врагов, — предостерегающе заметил Кассий. — Чем больше людей знает о нашем присутствии здесь, тем выше риск, что весть эта достигнет не только сочувствующих ушей.

— Справедливое замечание, — согласился Твердило. — Обещаю: то, что я знаю о вас, останется между этими стенами, пока вы сами не решите иначе. А знаю я не так уж мало, — за годы тайной службы сети мне довелось узнать имена некоторых, кто внутри самого Ордена не разделяет безоговорочной веры в методы Пастыря.

Ясна почувствовала, как в груди у неё шевельнулась осторожная надежда.

— Кого именно? — тут же спросила она.

— Об одной из них ходят особенно упорные слухи, — сказал Твердило, понижая голос до едва слышного шёпота, — Хранительница Милада, старшая из внутреннего круга, чьё имя в последние месяцы всё чаще звучит в разговорах тех, кто осмеливается усомниться в правоте официальной доктрины.

Глава 8. Родерик в городе

Вести, собранные Твердило за годы тайной службы, оказались куда обширнее, чем рассчитывала Ясна, — среди прочего, ремесленник поделился и сведениями о судьбе человека, чьё имя вызывало у неё смешанные, непростые чувства с самого начала войны.

— Инквизитор Родерик здесь, в столице, — сказал Твердило, разливая скромный ужин по глиняным мискам собственной работы. — Вернулся после разгрома под вашей северной усадьбой, если я правильно понимаю, о ком речь.

— Что с ним стало? — спросила Ясна, вспоминая холодную, расчётливую уверенность их последней личной встречи на поле боя.

— Не разжалован окончательно, но и не в прежней милости, — ответил Твердило. — Пастырь, по слухам, разочарован провалом военной кампании, но не готов полностью отказаться от услуг человека, чьи связи и опыт всё ещё могут пригодиться. Родерик, как я слышал, проводит дни при дворе в положении, близком к опале, — не изгнанник, но и не тот всесильный полководец, каким был до вашей победы.

Сорен, слушавший рассказ с явным интересом, задумчиво заметил:

— Похоже на судьбу Альрика после Вербовки. Орден, кажется, обходится одинаково жестоко со всеми, кто хоть раз проявил слабость в его глазах, вне зависимости от прежних заслуг.

— Возможно, в этом наше преимущество, — медленно произнесла Ясна. — Если Родерик действительно в опале, если его собственное положение при дворе шатко, не исключено, что он окажется куда сговорчивее, чем был бы в дни своего триумфа.

— Опасная надежда, — предостерёг Кассий. — Я сам был в подобном положении после разжалования и всё же не сразу нашёл в себе силы действительно предать прежнюю веру, а не просто затаить обиду в ожидании нового шанса вернуть утраченное. Родерик может оказаться куда более расчётливым и куда менее склонным к настоящему раскаянию, чем я или Альрик.

— Не будем строить план целиком на этой надежде, — согласилась Ясна. — Но и не будем отбрасывать саму возможность, если она вдруг представится нам по ходу дела.

Твердило, слушавший этот обмен репликами с профессиональным вниманием человека, привыкшего оценивать риски и выгоды любого союза, добавил собственное, практическое соображение.

— Как бы то ни было, — сказал он, — само его присутствие в столице, да ещё в подобной опале, означает: не все при дворе Пастыря одинаково довольны нынешним положением дел. Трещины в единстве Ордена, о которых говорят слухи про Хранительницу Миладу, могут оказаться шире, чем предполагает даже сам Пастырь.

Глава 9. Слежка

На следующий день, отправившись на разведку ближайших подступов ко второму кольцу под прикрытием поддельных документов, Ясна и Сорен едва не столкнулись с опасностью, способной обрушить весь тщательно выстроенный план задолго до приближения к самому Святилищу.

— Не оборачивайся резко, — тихо предупредил Сорен, сжимая её локоть с показной, будничной заботливостью охранника при знатной особе, — но нас, кажется, кто-то заметил и теперь идёт следом уже добрых четверть часа.

Ясна, стараясь не выдать тревоги внешним поведением, украдкой рассмотрела отражение улицы в стекле ближайшей витрины — и действительно различила невысокого, неприметно одетого мужчину, слишком настойчиво державшегося на одной и той же дистанции позади них, чтобы списать это на случайное совпадение маршрутов.

— Городская стража или нечто иное? — тихо спросила она.

— Не похож на обычного стражника, — заметил Сорен, — двигается слишком осторожно для человека, уверенного в своих полномочиях остановить нас открыто. Скорее соглядатай, приставленный проверить подозрительную делегацию, прежде чем поднимать официальную тревогу.

Они свернули в оживлённый рыночный переулок, стараясь затеряться среди плотной толпы покупателей, — манёвр, отточенный месяцами подобных ситуаций ещё со времён скитаний по северным землям, — и, воспользовавшись минутным замешательством преследователя, потерявшего их из виду в гуще прилавков, поспешили укрыться в первой попавшейся подворотне, ведущей обратно к дому Твердило кружным, куда менее очевидным путём.

— Пронесло, — выдохнула Ясна, когда они наконец удостоверились, что оторвались от слежки.

— На этот раз, — так же, как прежде говорил Кассий после подобного инцидента в пути к столице, эхом отозвался Сорен. — Но если нашим поддельным пропускам не доверяют настолько, что приставляют соглядатаев уже на второй день пребывания в городе, наше время здесь, вероятно, куда более ограничено, чем мы рассчитывали.

Вернувшись в дом Твердило, они застали Кассия за тревожным разговором с самим хозяином, чьё выражение лица не предвещало ничего хорошего.

— Мой знакомый писец, выправивший вам документы, — сказал Кассий, едва завидев их на пороге, — пропал сегодня утром. Никто не знает наверняка, задержан ли он Орденом за содействие или просто испугался и залёг на дно сам. В любом случае, доверять нашим прежним пропускам дальше становится рискованно.

Глава 10. Хранительница Милада

Тревога, вызванная возможным разоблачением поддельных документов, заставила отряд провести весь следующий день в вынужденном затворничестве внутри дома Твердило, обдумывая дальнейшие шаги, — и именно в эти часы вынужденного ожидания ремесленник поделился куда более подробными сведениями о фигуре, чьё имя уже несколько дней не давало Ясне покоя.

— Хранительница Милада служит внутреннему кругу Ордена дольше, чем я живу на этом свете, — начал Твердило, усаживаясь напротив собравшегося отряда с чашкой травяного отвара в руках. — Одна из немногих женщин, поднявшихся так высоко в иерархии, построенной преимущественно мужчинами, обременёнными властью Пастыря.

— Что заставляет людей полагать, будто она не согласна с его методами? — спросила Ясна.

— Обрывки, — честно признался Твердило. — Слово, оброненное здесь, взгляд, замеченный там. Один из моих связных, служащий при малом храме второго кольца, слышал, как она однажды, не зная о присутствии посторонних, резко возразила против чего-то, обсуждаемого на закрытом совете внутреннего круга, — что-то о цене, которую Орден не вправе требовать от невинных ради собственного, как она выразилась, «недостойного благоденствия».

Кассий, слушавший рассказ с профессиональным вниманием бывшего Дознавателя, нахмурился, обдумывая услышанное.

— Внутренний круг не терпит открытого инакомыслия, — заметил он. — Если Хранительница Милада действительно позволила себе подобное замечание вслух, даже случайно услышанное посторонними, она либо чрезвычайно уверена в собственном положении, либо действует на грани куда более серьёзного, тщательно скрываемого несогласия.

— Возможно, обоих сразу, — предположил Сорен. — Люди, годами хранящие внутреннее несогласие, иногда срываются на неосторожность именно потому, что усталость от собственного молчания в конце концов берёт верх над осторожностью.

Ясна долго обдумывала услышанное, чувствуя, как в ней крепнет мысль, казавшаяся ещё несколько дней назад слишком рискованной, чтобы всерьёз её рассматривать.

— Если она действительно сомневается в методах Пастыря, — сказала она наконец, — возможно, она — тот самый союзник внутри Ордена, в котором мы отчаянно нуждаемся, чтобы преодолеть третье кольцо и проникнуть в само Святилище.

— Опасный расчёт, — предупредил Кассий. — Мы не можем знать наверняка, насколько далеко простирается её несогласие, и уж тем более не можем рассчитывать на то, что она предпочтёт помощь беглой Меченой прямому доносу о нашем присутствии в городе.

— Знаю, — тихо согласилась Ясна. — Но если мы не найдём способ хотя бы проверить эту возможность, боюсь, у нас попросту не останется иных путей внутрь Святилища, кроме грубой силы, — а грубая сила против всей мощи внутреннего кольца Ордена обречена на провал прежде, чем мы успеем приблизиться к самому обряду.

Глава 11. Второе кольцо

Решение продолжать путь, несмотря на риск разоблачения поддельных документов, далось отряду нелегко, — но промедление грозило обернуться куда большей опасностью, чем осторожное, но неуклонное продвижение вперёд, пока солнцестояние неумолимо приближалось с каждым прошедшим днём.

— Новые документы будут менее убедительны, чем прежние, — предупредил Кассий, раздобывший через иной, куда более осторожный канал связи запасной комплект пропусков, — но лучше рискованный путь вперёд, чем верная гибель плана из-за бесконечного ожидания в укрытии.

Граница второго кольца встретила их куда более тщательной проверкой, чем внешние ворота города, — не просто беглый взгляд стражника на поданные бумаги, а придирчивый, обстоятельный допрос о цели визита, о маршруте прежнего путешествия, о деталях, какие настоящая провинциальная делегация знала бы без малейшего колебания.

— Из какого именно уезда, вы сказали? — переспросил старший из проверяющих стражников, разглядывая пропуска Ясны с подозрительным прищуром.

— Северный удел близ Соловьиных холмов, — ровно, без запинки ответил Кассий, чьё знание географии королевства, отточенное годами службы, оказалось теперь бесценным подспорьем. — Долгий путь, признаться, — надеюсь, торжества солнцестояния окажутся достойны подобных тягот дороги.

Стражник, поколебавшись ещё мгновение, наконец кивнул, возвращая документы, — и Ясна, стараясь не выдать облегчения слишком явно, последовала за спутниками в открывшиеся перед ними ворота второго кольца, туда, где начинался административный и храмовый квартал столицы.

Улицы здесь выглядели иначе, чем во внешнем кольце, — строже, опрятнее, застроенные преимущественно официальными зданиями и малыми храмами, куда простые горожане стекались возносить молитвы Вечному огню, — и сама атмосфера квартала, пропитанная незримым, но ощутимым присутствием власти Ордена, заставляла Ясну держаться настороже куда острее, чем во внешних, более людных и потому более безопасных для укрытия районах.

— Держимся ближе друг к другу, — тихо скомандовала Хвоя. — Здесь каждый чужак на виду куда яснее, чем в толчее рыночных рядов внешнего кольца.

Глава 12. Заря вспоминает больше

В доме Твердило, оставшемся теперь в отдалении внешнего кольца, Заря провела те же тревожные дни ожидания в собственной, куда более личной борьбе — с каждым обрывком новых сведений о городе, приносимых вернувшимися спутниками, её собственная память, годами скованная насильственным опустошением, продолжала медленно, но неуклонно возвращать украденные годы.

— Я вспомнила ещё кое-что, — сказала она однажды вечером, когда Ясна вернулась в укрытие после очередной вылазки во второе кольцо. — О самом Святилище. Не только о двери для слуг, но и о внутреннем устройстве зала, где горит Вечное Пламя.

— Расскажи, — тут же попросила Ясна, присаживаясь рядом.

— Зал устроен ярусами, — медленно, с явным усилием припоминая, заговорила Заря, — амфитеатром вокруг самого огня, где во время торжественных церемоний собирается весь внутренний круг. Помню галерею наверху, скрытую от глаз собравшихся внизу, — для слуг и хранителей, следящих за порядком церемонии незаметно для самих участников.

— Эта галерея может дать нам возможность наблюдать за обрядом, не будучи сразу обнаруженными, — с растущим воодушевлением заметила Хвоя, услышавшая рассказ.

— Может быть, — согласилась Заря, — если она всё ещё существует в том виде, каким я её помню. Но есть и другое, что тревожит меня сильнее самого устройства зала.

— Что именно? — тихо спросила Ясна, почувствовав перемену в голосе подруги.

— Я начинаю вспоминать не только само место, — призналась Заря, и в глазах её мелькнула тень прежнего, застарелого страха. — Я начинаю вспоминать собственные ощущения, когда меня приводили туда для проверки моей связи с Клеймом, прежде чем окончательно превратить в инструмент поиска. Эти воспоминания тяжелее, чем простые сведения об устройстве здания, Ясна. Я не уверена, что смогу войти туда снова, не столкнувшись с чем-то, способным сломить меня заново.

Ясна крепко сжала её руку, чувствуя тяжесть этого признания острее любых прежних тревог за исход самого похода.

— Тебе не обязательно идти туда, если это окажется свыше твоих сил, — тихо сказала она. — Мы найдём способ обойтись без твоего присутствия в самом зале, если понадобится.

— Нет, — твёрдо покачала головой Заря. — Я пойду. Не потому, что обязана, а потому что хочу сама увидеть конец того места, что отняло у меня столько лет, — и потому что твёрдо намерена доказать себе и всем, кто помнит меня прежней пленницей, что я способна на большее, чем просто хранить обрывки полезных воспоминаний издалека.

Глава 13. Донесение с фронта

Спустя неделю осторожного, неспешного продвижения по второму кольцу города — Ясна и её спутники успели наладить хрупкую, но действующую сеть временных укрытий и надёжных, хоть и немногочисленных контактов — долгожданное известие с западного фронта наконец достигло Твердило через один из самых быстрых и рискованных каналов связи, каким располагала сеть Дягиля.

— Осада усиливается, — доложил Твердило, зачитывая доставленное шифрованное послание при тусклом свете масляной лампы. — Верба сообщает: гарнизон западных стен ослаблен потерями сильнее, чем рассчитывал Орден, но и коалиция несёт тяжёлые потери, удерживая давление достаточно долгое время, чтобы отвлечь внимание защитников столицы от восточных подступов.

— Значит, план по-прежнему работает, — с облегчением заметил Сорен.

— Работает, но на пределе, — уточнил Твердило, дочитывая послание до конца. — Ярош пишет, что ещё одна-две недели подобного напряжения — и силы коалиции начнут иссякать быстрее, чем оборона гарнизона. Времени на неспешное продвижение внутри города у вас, судя по всему, остаётся куда меньше, чем хотелось бы.

Ясна почувствовала, как знакомая уже тяжесть ответственности за жизни, поставленные на кон ради её собственной судьбы, сжимает грудь сильнее прежнего.

— Мы не можем позволить себе, чтобы коалиция погибла ради отвлекающего манёвра, если сами застрянем во втором кольце, — сказала она.

— Значит, нужно ускорить продвижение к третьему кольцу, — заключила Хвоя, — вне зависимости от того, успели мы наладить достаточно надёжные связи внутри Ордена или нет.

Кассий, обдумывавший услышанное с обычной для себя тактической сосредоточенностью, добавил собственное, трезвое соображение.

— Ускорение продвижения означает больший риск разоблачения на каждом следующем шаге, — предупредил он. — Но альтернатива — позволить коалиции истощить себя напрасно, пока мы медлим здесь в поисках идеальных условий, которых, возможно, не существует вовсе.

— Значит, рискуем, — твёрдо сказала Ясна, чувствуя, как решимость, рождённая осознанием чужой, реальной цены промедления, вытесняет последние сомнения. — Начиная с завтрашнего дня, действуем быстрее, даже если это означает больший риск для нас самих.

Глава 14. Альрик разведывает

Ускорение темпа продвижения потребовало от отряда более решительных, более рискованных методов сбора сведений о подступах к третьему кольцу, — и именно Альрик, чьё прежнее звание Инквизитора всё ещё могло послужить весомым прикрытием при должной осторожности, вызвался провести разведку самостоятельно, без сопровождения остальных.

— Меня узнают реже, чем вы могли бы подумать, — убеждал он Ясну и остальных, готовясь к вылазке. — Большинство рядовых стражников второго кольца никогда не видели меня лично — моя служба проходила в провинции, не при дворе. Форменный плащ и уверенная манера держаться откроют мне двери, недоступные для вас, путешествующих под чужими, уязвимыми именами.

— Слишком рискованно идти в одиночку, — возразил Сорен, всё ещё не до конца доверявший бывшему противнику, несмотря на всё, что тот уже успел сделать для их общего дела.

— Рискованно, — согласился Альрик, — но менее рискованно, чем идти всем отрядом сразу, привлекая куда больше внимания, чем способен привлечь одинокий, уверенный в себе служитель Ордена, выполняющий формальное поручение.

В конце концов Ясна, после долгих колебаний, согласилась на его план, — Альрик, облачившись в позаимствованный у одного из связных Твердило форменный плащ, отдалённо напоминающий прежние знаки отличия Инквизитора, отправился на разведку самостоятельно, оставив остальных в тревожном, томительном ожидании его возвращения.

Он вернулся к вечеру, измождённый, но с ценными сведениями, собранными за долгие часы осторожного наблюдения за подступами к третьему кольцу.

— Охрана там серьёзнее всего, с чем мы сталкивались прежде, — доложил он, устало опускаясь на предложенное место у очага. — Но я нашёл кое-что важное: боковой проход, о котором упоминала Заря, действительно существует, хотя охраняется куда плотнее, чем она его помнит. И ещё одно, куда более неожиданное наблюдение.

— Что именно? — тут же спросила Ясна.

— Хранительница Милада, — сказал Альрик, — сегодня лично проверяла посты у этого самого прохода, что для лица её ранга совершенно нехарактерно. Похоже, она либо готовится к чему-то, требующему её личного, пристального внимания к безопасности именно этого участка, либо, что тревожит меня сильнее, уже подозревает о готовящейся попытке проникновения.

Глава 15. Ловушка для Альрика

Тревожные наблюдения Альрика о повышенном внимании Хранительницы Милады к боковому проходу оказались лишь первым звеном в цепи событий, чуть не обернувшихся катастрофой для всего отряда уже на следующий день.

Альрик, вызвавшийся провести повторную разведку тех же подступов, чтобы уточнить характер обнаруженной тревоги, не вернулся к условленному часу, — и когда Хвоя, обеспокоенная задержкой, отправилась на его поиски под собственным, тщательно продуманным прикрытием, она обнаружила его в куда более опасном положении, чем кто-либо из отряда мог предположить.

— Его задержали для проверки документов, — торопливо доложила она, вернувшись в укрытие с тревожными вестями. — Не арестовали пока — просто задержали, требуя подтверждения его личности у офицера, который, похоже, служил вместе с ним в прежние годы и теперь сомневается, действительно ли перед ним тот, за кого он себя выдаёт.

— Если его опознают как разжалованного предателя, а не действующего Инквизитора, — с тревогой сказала Ясна, — весь наш план окажется под угрозой немедленного провала.

— Нужно вытаскивать его сейчас же, пока проверка не зашла дальше простых сомнений, — решительно заявил Сорен.

План спасения, разработанный второпях, но с той же тактической чёткостью, что отличала прежние операции отряда, предполагал отвлекающий манёвр — Кассий, используя остатки собственного авторитета бывшего Дознавателя, должен был лично вмешаться в разбирательство, пока Хвоя и Сорен готовили пути для скрытного отступления, если обстановка обернётся против них.

— Дознаватель Кассий, инспекция по особому поручению, — представился он охранявшим Альрика стражникам с той же уверенной властностью, какую демонстрировал когда-то на форпосте Вербовки. — Этот человек действует по моему личному распоряжению — освободите его немедленно, если не желаете объясняться перед моим прямым начальством за неоправданную задержку исполнения важного поручения.

Блеф, произнесённый с достаточной уверенностью, заставил младших стражников заколебаться, — колебания, которого хватило, чтобы Альрик, воспользовавшись замешательством, незаметно выскользнул из-под пристального надзора, пока Кассий продолжал отвлекать внимание проверяющего офицера дальнейшими, всё более настойчивыми требованиями.

Глава 16. Цена спасения

Отряд воссоединился в условленном укрытии спустя томительный час, показавшийся Ясне куда более долгим, чем реально прошедшее время, — Альрик, потрясённый, но невредимый, и Кассий, чьё лицо выдавало явное напряжение только что разыгранного, рискованного блефа, вернулись почти одновременно, разными путями, как и было условлено на случай подобной опасности.

— Мы едва не потеряли всё, — тяжело произнёс Альрик, опускаясь на ближайшую скамью. — Офицер, задержавший меня, служил под моим началом много лет назад, ещё до моего назначения на поиски Ясны. Он узнал не столько лицо, сколько манеру держаться, — деталь, которую я не догадался изменить достаточно тщательно.

— Он поверил объяснению Кассия? — с тревогой спросила Ясна.

— Не до конца, — честно признался Кассий. — Но достаточно, чтобы не поднимать немедленную тревогу, пока не проверит мои полномочия через официальные каналы, — проверку, результат которой неизбежно обнаружит, что никакого «Дознавателя Кассия по особому поручению» в действующих списках Ордена не существует уже несколько месяцев.

— Сколько времени у нас есть до того, как эта проверка вскроет обман? — тихо спросила Хвоя.

— Не больше одного-двух дней, — предположил Кассий. — Возможно, меньше, если офицер окажется достаточно добросовестным, чтобы не откладывать формальности.

Тишина, повисшая в укрытии после этих слов, была тяжелее любой прежде звучавшей здесь тревоги, — цена спасения Альрика оказалась именно той, какой они опасались с самого начала рискованной операции: раскрытым, скомпрометированным элементом прикрытия, грозившим обрушить всю тщательно выстроенную легенду отряда куда раньше, чем они успели достичь самого Святилища.

— Значит, у нас не осталось времени на дальнейшую осторожную разведку, — тяжело произнесла Ясна. — Нужно действовать быстро, рискуя куда больше, чем мы рассчитывали ещё вчера.

— Или довериться тому единственному пути, который мы до сих пор считали слишком ненадёжным, чтобы полагаться на него всерьёз, — медленно добавил Сорен, обменявшись многозначительным взглядом с Ясной. — Хранительнице Миладе.

Глава 17. Совет в тени

Экстренный совет, собранный тем же вечером в укрытии дома Твердило, привёл отряд к решению, казавшемуся ещё неделю назад слишком рискованным, чтобы всерьёз его рассматривать, — прямой, осознанный контакт с фигурой внутри самого Ордена, чья истинная позиция оставалась до сих пор лишь предметом обнадёживающих, но не подтверждённых слухов.

— У нас не осталось времени на полумеры, — начала Ясна, обращаясь к собравшимся спутникам. — Раскрытие обмана Кассия — вопрос дня, может быть, двух. Западный фронт истощается быстрее, чем мы рассчитывали. Если Хранительница Милада действительно сомневается в методах Пастыря, сейчас самое время проверить это предположение, каким бы рискованным оно ни казалось.

— Как именно ты предлагаешь наладить с ней контакт? — с сомнением спросил Кассий. — Прямое обращение к столь высокопоставленной фигуре внутреннего круга скорее обернётся немедленным арестом, чем тайным союзом.

— Не прямое обращение, — предложила Хвоя, обдумывавшая проблему с привычной тактической сметкой. — Осторожный, анонимный сигнал — записка, оставленная там, где она наверняка её найдёт, содержащая достаточно сведений, чтобы заинтересовать её, но не выдающая всего плана целиком на случай, если она решит донести на нас, а не помочь.

— Что именно написать в подобной записке? — спросила Ясна.

Твердило, до этого молча слушавший обсуждение, неожиданно предложил собственное, выстраданное годами тайной службы соображение.

— Напишите правду, — сказал он просто. — Не всю, но достаточную, чтобы задеть именно ту струну, которая, если слухи о её сомнениях верны, наверняка тревожит её саму долгие годы: что обряд, который готовит Пастырь, требует не просто силы редкой Меченой, а её жизни, — и что цена эта скрывается даже от большей части внутреннего круга, не говоря уже о простых прихожанах.

Ясна долго обдумывала это предложение, взвешивая риск против отчаянной необходимости хоть какого-то прорыва в тупиковой ситуации, в которой оказался отряд.

— Хорошо, — решила она наконец. — Составим записку сегодня же. Если Милада окажется тем союзником, на какого мы надеемся, — это может решить исход всего похода. Если нет — что ж, мы и так уже слишком близки к разоблачению, чтобы бояться рискнуть ещё немного ради шанса на настоящий прорыв.

Глава 18. Слуга Пастыря

Пока отряд обдумывал способ доставки послания самой Хранительнице Миладе, куда более скромная, но не менее ценная возможность возникла благодаря случайной встрече, устроенной одним из осторожных связных Твердило в самом сердце храмового квартала.

— Есть человек, — сообщил Твердило, вернувшись с очередной, тщательно законспирированной встречи, — младший служитель при личных покоях самого Пастыря, обременённый застарелой, тщательно скрываемой обидой на Орден. Не готов к открытому предательству, но готов, за подобающую плату и заверения в безопасности, поделиться отдельными, полезными сведениями.

— Какого рода обида? — с интересом спросила Ясна.

— Его младшего брата отправили на очищение много лет назад, — сказал Твердило. — Не за Клеймо — обычную, ложно истолкованную странность поведения, принятую за признак заражения. Брат не пережил самого обряда. Служитель продолжает исправно нести службу, поскольку иного пути прокормить оставшуюся семью у него попросту нет, но давно затаил горечь, какую, полагаю, будет рад хоть немного облегчить, делясь сведениями с теми, кто действительно противостоит Ордену.

Встреча со служителем, устроенная в тот же вечер в укромном, тщательно проверенном на предмет слежки переулке, подтвердила надежды Твердило, — немолодой, измождённый годами тихой, безрадостной службы человек по имени Услад согласился поделиться подробностями внутреннего распорядка Святилища в обмен на скромную плату и обещание безопасности для оставшейся семьи, если дело всё же дойдёт до разоблачения.

— Хранительница Милада действительно ведёт себя иначе в последние месяцы, — подтвердил Услад слухи, уже знакомые отряду по прежним источникам. — Молчаливее обычного на закрытых советах, чаще задерживается в одиночестве у алтаря Вечного огня дольше положенного церемониального времени. Не могу сказать наверняка, что творится в её душе, но вижу: что-то тревожит её сильнее обычных забот службы.

— Ты можешь передать ей послание так, чтобы никто иной об этом не узнал? — прямо спросила Ясна.

Услад долго колебался, взвешивая риск подобной услуги против собственной, застарелой обиды на систему, отнявшую у него брата.

— Могу, — сказал он наконец. — Но если это обернётся против меня, поверьте, вы не найдёте здесь больше ни единого союзника, готового рискнуть настолько же сильно ради дела, которое лично их не затрагивает.

Глава 19. Родерик встречает Ясну

Пока послание для Хранительницы Милады готовилось к передаче через осторожного посредника, случайность, какую невозможно было предвидеть заранее, свела Ясну лицом к лицу с человеком, чьё присутствие в столице она держала в уме как отдалённую, второстепенную возможность, а не непосредственную угрозу.

Возвращаясь с очередной вылазки в сопровождении одного лишь Сорена, Ясна заметила знакомую, хоть и заметно осунувшуюся фигуру, идущую навстречу по узкому переулку, — Верховного Инквизитора Родерика, явно погружённого в собственные, невесёлые размышления настолько глубоко, что он не сразу заметил встречных прохожих.

Сорен среагировал первым, попытавшись увести Ясну в сторону прежде, чем произойдёт неминуемое узнавание, — но переулок оказался слишком узким, а расстояние слишком коротким, чтобы избежать встречи, какой оба они одинаково страшились.

Родерик поднял взгляд, и в глазах его, встретивших взгляд Ясны, мелькнуло не торжество охотника, наконец настигшего добычу, а нечто куда более сложное — изумление, смешанное с усталой, почти безразличной обречённостью человека, для которого собственное падение стало важнее любой возможной славы поимки давнего врага.

— Ясна Верес, — тихо произнёс он, не делая ни малейшей попытки позвать стражу или обнажить оружие. — Или мне следует называть тебя иначе, раз уж ты разгуливаешь по моей столице под чужим именем?

— Родерик, — так же тихо ответила Ясна, готовая в любой момент призвать Клеймо, если ситуация обернётся угрозой. — Не ожидала встретить тебя здесь при подобных обстоятельствах.

— Как и я не ожидал, — с невесёлой, горькой усмешкой признался он. — Хотя, признаться, часть меня всё это время подозревала: если кто и способен добраться до самого сердца Ордена вопреки всем преградам, так это ты.

Он не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать её, — лишь продолжал стоять, разглядывая её с тем же усталым, лишённым прежней холодной уверенности выражением лица.

— Ты не позовёшь стражу? — прямо спросила Ясна, не в силах скрыть удивления.

— А ты как думаешь, что случится со мной, если я это сделаю? — вопросом на вопрос ответил Родерик. — Меня и так уже почти списали со счетов после провала под твоей усадьбой. Поимка беглянки собственными руками, без прежнего звания и полномочий, вернёт мне не милость, а в лучшем случае — короткую, унизительную благодарность, прежде чем Пастырь снова найдёт способ напомнить, чего на самом деле стоит моя преданность в его глазах.

Глава 20. Сделка с Родериком

Неожиданное признание Родерика, произнесённое посреди узкого переулка второго кольца, поставило Ясну перед выбором, какого она не рассчитывала делать ещё несколько минут назад, — довериться человеку, чья прежняя роль в её жизни ограничивалась исключительно ролью безжалостного врага, или рискнуть, отвергнув единственную, представившуюся случайно возможность обрести неожиданного, пусть и ненадёжного, союзника внутри самого двора Ордена.

— Чего ты хочешь взамен на молчание? — прямо спросила она, решив не тратить времени на предисловия.

— Не молчания, — покачал головой Родерик. — Молчание я мог бы предложить и без всяких условий, просто по трезвому расчёту собственной выгоды. Я предлагаю нечто большее — сведения, каких ты не получишь ни от кого иного в этом городе, в обмен на единственную, не самую щедрую услугу с твоей стороны.

— Какую именно услугу? — насторожённо спросила Ясна.

— Когда всё это закончится, — сказал Родерик, — вне зависимости от того, чем обернётся твоя попытка сорвать обряд, — а я не сомневаюсь, что именно ради этого ты здесь, — засвидетельствуй перед теми, кто останется в живых после падения нынешнего порядка, что я не препятствовал тебе, зная о твоём присутствии в городе. Не более того. Не прошу благодарности, не прошу прощения за прошлое, только правдивое свидетельство одного-единственного факта.

Сорен, стоявший рядом, скептически прищурился, оценивая искренность подобной просьбы.

— Достаточно скромная цена для человека, чья репутация вот-вот может оказаться разрушена окончательно, — заметил он.

— Я не строю иллюзий о собственном будущем, боец, — с невесёлой прямотой ответил Родерик. — Но даже те, кто пал так низко, как пал я в последние месяцы, предпочитают, чтобы будущее, каким бы оно ни оказалось, помнило их не только как злодеев, послушно исполнявших чужую волю до самого конца.

Ясна долго обдумывала предложение, взвешивая риск довериться человеку с подобным прошлым против отчаянной нужды в любых сведениях, способных приблизить их к цели.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я дам такое свидетельство, если ты действительно поможешь, а не просто купишь себе время красивыми словами. Что ты знаешь о подготовке к обряду, чего мы ещё не знаем?

Родерик тихо, почти незаметно улыбнулся — не торжествующе, а с чем-то похожим на облегчение человека, наконец нашедшего хоть какой-то путь вперёд из тупика собственного падения.

— Больше, чем ты можешь предположить, — сказал он. — Начнём с того, что Пастырь назначил церемонию на три дня раньше официально объявленной даты солнцестояния, — рассчитывая застать любых возможных противников врасплох.

Глава 21. Третье кольцо

Сведения, полученные от Родерика, при всей неоднозначности источника, оказались решающими для дальнейшего плана отряда, — три дня, оставшиеся до перенесённой даты обряда, требовали немедленного, куда более рискованного продвижения к границе третьего, самого укреплённого кольца города.

— Если Родерик не солгал, у нас остаётся катастрофически мало времени, — тяжело произнесла Хвоя, выслушав пересказ неожиданной встречи. — Нужно достичь Святилища раньше назначенного часа, а не после, когда любое вмешательство окажется уже бессмысленным.

Граница третьего кольца, представшая перед отрядом на следующее утро, превосходила по мощи укреплений всё, с чем им доводилось сталкиваться прежде за долгий путь через два предыдущих кольца, — высокая, безупречно охраняемая стена, отделявшая храмовый квартал от святая святых Ордена, с редкими, тщательно охраняемыми воротами, пропускавшими лишь тех, кто мог предъявить неоспоримые, официально заверенные полномочия.

— Здесь поддельные документы уже не помогут, — мрачно заметил Кассий, оценивая уровень охраны придирчивым взглядом человека, знакомого с подобными порядками не понаслышке. — Единственный реальный шанс — боковой проход, о котором рассказывала Заря, если он всё ещё существует и если Хранительница Милада не решит нас выдать в ответ на переданное послание.

Заря, стоявшая рядом с отрядом впервые за долгие дни вынужденного затворничества в укрытии, долго вглядывалась в очертания стены, силясь узнать в них что-то из собственных, всё ещё неполных воспоминаний.

— Проход должен быть где-то там, — сказала она наконец, указывая на неприметный участок стены, отмеченный лишь скромной, почти незаметной дверью среди хозяйственных построек. — Не уверена полностью, но чутьё подсказывает мне, что это то самое место.

Ясна почувствовала, как груз ответственности за исход всей операции сжимает грудь с новой силой, — три дня, оставшиеся до перенесённого обряда, три дня, за которые предстояло не только проникнуть в Святилище, но и найти способ действительно перенаправить силу обряда на его изначальную, благую цель, казались теперь катастрофически коротким сроком для задачи подобного масштаба.

— Ждём весточки от Услада о судьбе нашего послания к Миладе, — решила она. — Если ответа не будет к завтрашнему утру, придётся рискнуть проходом самостоятельно, без всякой уверенности в успехе.

Глава 22. Ночь перед вратами

Ночь ожидания ответа от Хранительницы Милады оказалась одной из самых тяжёлых за весь долгий поход, — каждый шорох за стенами временного укрытия заставлял отряд настороженно замирать, ожидая то ли долгожданного вестника с добрыми новостями, то ли внезапного появления стражи, пришедшей арестовать их по доносу разоблачённого заговора.

Ясна, не в силах уснуть под тяжестью подобного напряжения, вышла на небольшой внутренний двор дома Твердило, туда, где сквозь узкий просвет между крышами соседних зданий виднелся краешек звёздного неба, — единственное напоминание о просторе и свободе посреди тесноты вражеского города.

Сорен нашёл её там немного позже, как находил уже не раз за долгие месяцы их общего пути в подобные тревожные, бессонные часы.

— Не спится? — тихо спросил он, устраиваясь рядом.

— Слишком многое поставлено на кон в эти оставшиеся дни, чтобы позволить себе спокойный сон, — призналась Ясна. — Если Милада не ответит, если проход окажется слишком хорошо охраняем, если сам обряд пойдёт не так, как предполагает теория Дубца, — любая из этих неудач может обернуться катастрофой не только для меня, но и для всех, кто рискует сейчас жизнью ради общего дела, — включая тех, кто сражается сейчас у западных стен, даже не подозревая наверняка, удастся ли нам вообще достичь цели.

Сорен обнял её, привычным уже жестом разделяя тяжесть тревоги, какую она несла теперь не только за себя, но и за судьбу всей затеянной войны.

— Что бы ни случилось дальше, — тихо сказал он, — ты уже прошла путь, какой немногие способны были бы выдержать. От испуганной беглянки на площади Вербовки до предводительницы, ради которой готовы рисковать жизнью десятки, если не сотни людей по всему королевству. Что бы ни произошло в эти оставшиеся дни, это само по себе уже нечто, чем стоит гордиться, вне зависимости от исхода.

— Я боюсь не за собственную гордость, Сорен, — тихо возразила Ясна. — Я боюсь подвести всех, кто поверил в меня достаточно, чтобы отдать за это веру собственные жизни.

— Тогда позволь мне напомнить тебе то же самое, что ты однажды напомнила мне на нашей первой северной башне, — мягко сказал он. — Ты не обязана нести это бремя в одиночку. Мы все несём его вместе с тобой — и продолжим нести, каким бы ни оказался финальный исход этой долгой, полной потерь и обретений войны.

Они долго сидели так, молча, под скудным светом звёзд, пробивающимся сквозь тесноту городских крыш, пока наконец не заметили тихий, едва слышный стук в дальнюю дверь укрытия, — сигнал, которого весь отряд ждал с таким напряжением всю эту долгую, бессонную ночь.

Глава 23. Хранительница Милада (личная встреча)

Вестник, доставивший долгожданный ответ, оказался не самим Усладом, а незнакомой прежде женщиной средних лет, представившейся личной служанкой Хранительницы Милады, — появление её, тихое и настороженное, разбудило весь отряд быстрее любого прежнего сигнала тревоги.

— Госпожа готова встретиться с той, кто прислал это послание, — тихо сказала она, протягивая Ясне сложенный, тщательно запечатанный клочок бумаги, — но только с ней одной, и только сегодня же ночью, в месте, которое я укажу.

— Это может быть ловушкой, — тут же предостерёг Кассий, едва служанка удалилась, оставив назначенное время и место встречи.

— Может быть, — согласилась Ясна, — но если мы хотим проверить, действительно ли Милада тот союзник, в котором мы нуждаемся, придётся рискнуть довериться этому приглашению, каким бы подозрительным оно ни казалось.

Место встречи, указанное в записке, оказалось скромной, полузаброшенной часовней на границе второго и третьего колец, редко посещаемой обычными горожанами из-за отдалённости от главных храмов, — Ясна пришла туда в одиночестве, как и было условлено, оставив Сорена и остальных наготове неподалёку на случай, если встреча обернётся предательством.

Хранительница Милада, ожидавшая её внутри полутёмной часовни, оказалась немолодой женщиной с властной, но не лишённой скрытой усталости осанкой, — её глаза, встретившие взгляд Ясны, выдавали не враждебность, а нечто куда более сложное, похожее на многолетнее, тщательно скрываемое внутреннее борение.

— Значит, это правда, — тихо произнесла Милада, внимательно разглядывая Ясну при скудном свете единственной свечи. — Меченая из Вербовки действительно добралась до самого сердца Ордена.

— Вы получили моё послание, — сказала Ясна, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем ощущалось внутри. — Значит, вы прочли о цене, которую действительно требует обряд.

— Я знала о цене задолго до вашего послания, дитя, — с тяжёлой, горькой прямотой ответила Милада. — Я знаю о ней дольше, чем ты вообще живёшь на этом свете. Вопрос, который меня по-настоящему тревожит, не в том, знаю ли я правду, а в том, что я готова с этим знанием сделать теперь, когда молчать дальше стало невозможно.

Глава 24. Тайна Милады

Признание, к которому подвела Хранительница Милада собственное, долго откладываемое откровение, далось ей нелегко, — Ясна, наблюдая за внутренней борьбой, читавшейся на её лице при скудном свете единственной свечи полузаброшенной часовни, чувствовала: то, что она сейчас услышит, объяснит куда больше, чем простое политическое несогласие с методами Пастыря.

— У меня была младшая сестра, много десятилетий назад, — начала Милада, глядя не на Ясну, а куда-то в пространство перед собой, будто обращаясь к давно ушедшим воспоминаниям. — Она обладала редким, особым даром — не столь редким, как твой, дитя, но достаточно значимым, чтобы внутренний круг счёл её достойной особого, привилегированного очищения, какое обычно предлагали лишь избранным, слишком ценным, чтобы просто убить или сломать очищением до опустошённой оболочки.

— Что случилось с ней? — тихо спросила Ясна, уже предчувствуя тяжесть ответа.

— Её использовали для малого, экспериментального варианта того же самого обряда, что готовят провести на тебе теперь, — сказала Милада, и голос её впервые за весь разговор дрогнул. — Не полное подношение, как задумано для тебя, — тогда ещё не знали наверняка, возможно ли подобное с обычной, не изначальной кровью. Но даже частичное использование её силы обошлось ей самой ценой, какую я не пожелала бы и злейшему врагу.

— Она погибла? — тихо спросила Ясна.

— Хуже, — покачала головой Милада. — Она выжила, но лишилась рассудка настолько, что не узнавала даже меня до самого конца своих дней, — оболочка, вместившая в себя лишь боль без всякого понимания её причины. Я стояла рядом, наблюдая это медленное угасание, зная всё это время правду, которую сам Орден так тщательно скрывал даже от большей части собственного внутреннего круга.

— И вы продолжали служить после этого? — не удержалась от вопроса Ясна.

— Продолжала, — с горькой честностью подтвердила Милада. — Из страха. Из привычки. Из убеждения, что, оставаясь внутри системы, я смогу однажды изменить её изнутри куда действеннее, чем открытым, обречённым на немедленный провал бунтом. Много десятилетий я убеждала себя, что подобное терпеливое ожидание — не трусость, а мудрость. Твоё появление здесь, дитя, наконец заставило меня признать: возможно, я лишь находила удобные оправдания собственному молчанию все эти годы.

Глава 25. У врат Святилища

Признание Милады, при всей его тяжести, стало решающим поворотом в затянувшейся неопределённости отношений между отрядом и внутренним кругом Ордена, — она согласилась не просто хранить молчание о их присутствии в городе, но и оказать куда более весомое, рискованное содействие, какое требовала теперь сама срочность приближающегося обряда.

— Проход, который помнит твоя спутница, всё ещё существует, — сказала Милада, вернувшись к практическим деталям предстоящей операции, — но после нескольких месяцев повышенной тревоги я лично распорядилась усилить его охрану. Открыть его без моего личного вмешательства вам не удастся.

— Вы поможете нам пройти? — прямо спросила Ясна.

— Помогу, — подтвердила Милада, — но не сразу и не без предварительной подготовки. Мне нужно время, чтобы устроить смену стражи на нужном участке так, чтобы это не вызвало подозрений у остальных членов внутреннего круга. Дайте мне два дня.

— У нас не осталось двух дней в запасе, — с тревогой напомнила Ясна о перенесённой Пастырем дате обряда.

Милада, услышав это, побледнела ещё сильнее, чем прежде.

— Перенесённая дата, — медленно повторила она. — Значит, слухи, доходившие до меня в последние дни, оказались правдой. Пастырь действительно решил ускорить церемонию, опасаясь именно такого вторжения, какое вы готовите.

— Значит, у нас ещё меньше времени, чем мы рассчитывали, — тяжело заключила Ясна.

— Тогда я сделаю всё возможное за оставшийся срок, — твёрдо сказала Милада, — но предупреждаю: спешка означает больший риск для нас обеих. Если моё содействие будет замечено прежде, чем мы успеем довести дело до конца, поплачусь не только я, но и всё, ради чего вы проделали столь долгий путь.

Два дня спустя, в предрассветный час, отряд наконец собрался у того самого неприметного бокового прохода, что Заря помнила ещё с собственных, мучительных лет службы Ордену, — Милада, сдержав данное слово ценой немалого личного риска, обеспечила временное отсутствие привычной стражи на этом участке ровно настолько, чтобы позволить пятерым — Ясне, Сорену, Хвое, Кассию и наконец воссоединившейся с ними Заре — проскользнуть внутрь самого сердца трёхвекового господства Ордена Пламени.

Ясна, переступая порог, за которым начиналась территория самого Святилища, чувствовала, как год, начавшийся испуганным бегством из Вербовки, подходит к финальному, самому важному испытанию всего долгого, полного жертв пути.

Часть вторая. Хранители пламени

Глава 26. Врата не поддаются

Территория Святилища, открывшаяся перед отрядом за боковым проходом, оказалась куда обширнее, чем предполагала Ясна, — не одно-единственное здание, а целый комплекс построек, разбитых садов и внутренних двориков, окружающих центральное сооружение с сияющим куполом, венчавшим собой весь Сольгард.

— Вход в сам зал Вечного Пламени должен быть где-то там, — тихо сказала Заря, указывая на массивную, окованную бронзой дверь в основании купольного здания, — я помню именно эту дверь, украшенную языками пламени по всему периметру рамы.

Отряд, стараясь держаться в тени садовых насаждений, приблизился к указанной двери — но то, что они обнаружили при ближайшем рассмотрении, заставило Кассия тихо, но отчётливо выругаться сквозь зубы.

— Изменена, — констатировал он, разглядывая сложный, незнакомый ему узор, выгравированный поверх прежних, знакомых Заре символов. — Здесь установлена какая-то новая, дополнительная защита, — не просто обычный засов, а нечто, требующее особого, ритуального ключа для открытия.

Сорен, осторожно проведя ладонью вдоль края двери, не касаясь самой поверхности, ощутил слабое, но отчётливое покалывание, отдалённо напоминающее прикосновение к его собственному клейму покорности.

— Здесь заклятие, — предупредил он, отдёргивая руку. — Не пытайтесь открыть эту дверь силой — судя по ощущению, оно откликнется на любое насильственное вмешательство отнюдь не безобидно.

Заря, глядя на изменившуюся дверь с нарастающим отчаянием, чувствовала, как хрупкая уверенность, с таким трудом восстановленная за месяцы после освобождения, вновь колеблется перед лицом препятствия, какого она не предвидела.

— Простите, — прошептала она. — Я была уверена, что помню верно.

— Ты не виновата, — тут же успокоила её Ясна. — Орден усилил защиту именно потому, что опасается вторжения, — значит, наши действия и действия коалиции на западе уже принесли ощутимый результат, вынудив их пересмотреть прежние меры безопасности.

— Это не отменяет того факта, что нам нужен другой путь внутрь, — мрачно заметила Хвоя, оглядывая комплекс построек в поисках альтернативных возможностей. — И у нас остаётся всё меньше времени на поиски, чем хотелось бы.

Глава 27. Милада открывает путь

Тупик, в который отряд упёрся перед изменившейся дверью, потребовал немедленного, рискованного решения — либо искать собственный, наспех придуманный обходной путь, либо довериться единственному человеку внутри Ордена, чья помощь уже однажды спасла их от провала у боковых ворот.

— Нужно найти способ связаться с Миладой снова, — решила Ясна. — Если кто и знает, как обойти новую защиту, то это она.

Связь с Хранительницей, налаженная через ту же осторожную служанку, что доставляла прежние послания, заняла драгоценные часы, — но к исходу дня Милада сама, рискуя куда больше прежнего, появилась на территории Святилища под благовидным предлогом личной инспекции садовых построек, чтобы лично встретиться с отрядом в укромном закутке между двумя хозяйственными строениями.

— Дверь, которую вы нашли, защищена печатью, доступной лишь узкому кругу старших хранителей, — тихо объяснила она, едва завидев тревогу на лицах спутников. — Пастырь, судя по всему, действительно опасается прямого вторжения сильнее, чем я предполагала прежде.

— Вы можете открыть её? — с надеждой спросила Ясна.

— Могу, — подтвердила Милада, — но само использование моей печати для подобной цели оставит след, который рано или поздно обнаружат при проверке. У нас будет очень немного времени между открытием двери и неизбежным раскрытием того, кто именно ею воспользовался.

— Сколько именно времени? — уточнил Кассий.

— Час, может быть, два, прежде чем обычная стража заметит несоответствие в записях о посещении, — ответила Милада. — Этого должно хватить, чтобы проникнуть внутрь и найти укрытие в галерее, о которой рассказывала ваша спутница, но не более того.

Заря, услышав это, кивнула с решимостью, окрепшей после недавнего разочарования у самой двери.

— Этого достаточно, — сказала она. — Как только мы окажемся внутри, дальнейший путь я найду сама, полагаясь на память, а не на внешние подсказки.

Милада долго смотрела на неё — узнавание, смешанное с тяжёлым, невысказанным сочувствием, промелькнуло на её лице.

— Ты была одной из подопытных пленниц, не так ли? — тихо спросила она. — Я не помню твоего лица среди тех, кого видела лично, но чувствую в тебе ту же боль, что видела в глазах моей покойной сестры.

— Была, — коротко подтвердила Заря. — Но больше не являюсь ничьим инструментом. Это единственное, что имеет значение сейчас.

Глава 28. Внутри Святилища

Дверь, открытая печатью Милады при первых признаках сумерек, поддалась с тихим, едва слышным скрежетом древнего механизма, — и отряд, воспользовавшись драгоценными минутами открывшегося прохода, поспешил внутрь, оставляя позади себя и охраняемую территорию садов, и саму Хранительницу, чьё лицо в последний момент выразило нечто похожее на искреннюю, невысказанную надежду.

То, что открылось перед ними внутри, заставило даже привычную к опасности Хвою замереть в невольном благоговении.

Огромный зал, устроенный ярусами амфитеатра, как и описывала Заря, спускался к центральной площадке, где в специально устроенном углублении полыхал сам Вечный огонь — не обычное пламя, а нечто, казалось, живое, переливающееся оттенками, каких не бывает у земного огня, отбрасывающее длинные, танцующие тени на резные, покрытые многовековой патиной стены зала.

— Вот оно, — прошептала Заря, чувствуя, как в груди у неё смешиваются благоговение и тяжёлый, застарелый ужас. — Место, где меня впервые проверяли на связь с Клеймом. Я помню этот свет, эти тени, этот запах — горячий, странно сладковатый, ни на что не похожий.

Ясна, ощущая собственное Клеймо, отзывающееся на близость огня непривычным, тревожным покалыванием под рёбрами, крепко взяла Зарю за руку, разделяя тяжесть момента.

— Мы не задержимся здесь дольше необходимого, — тихо пообещала она.

Хвоя, тем временем, уже отыскивала путь наверх, к той самой скрытой галерее, о которой упоминала Заря, — узкая, малоприметная лестница, петляющая вдоль внешней стены зала, скрытая резными панелями от случайных взглядов снизу.

— Здесь, — тихо позвала она остальных. — Галерея действительно существует. Отсюда мы сможем наблюдать за залом, оставаясь незамеченными, пока не наступит время действовать открыто.

Отряд поднялся по узкой лестнице, устраиваясь в скрытой галерее с той осторожностью, какую требовала близость самого сердца вражеской твердыни, — и Ясна, глядя вниз, на пляшущие языки Вечного Пламени, чувствовала, как год испытаний наконец подводит её к порогу единственного, действительно решающего момента всего долгого пути.

Глава 29. Записи хранителей

Скрытая галерея, помимо своего прямого назначения — незаметного наблюдения за церемониальным залом, — оказалась куда более ценной находкой, чем рассчитывал отряд: узкий, заставленный старыми свитками и книгами коридор, примыкающий к самой галерее, судя по всему, служил архивом для хранителей, годами фиксировавших детали церемоний и ритуалов, слишком секретные, чтобы доверять их памяти одних лишь устных преданий.

— Кассий, — тихо позвала Хвоя, обнаружившая архив первой, — взгляни на это.

Кассий, чьё знание внутреннего устройства Ордена позволяло ему куда быстрее прочих ориентироваться в подобных записях, погрузился в изучение найденных свитков с нарастающим волнением, читая вслух наиболее важные отрывки для остальных.

— Здесь подробно описан сам механизм обряда, — сказал он спустя долгие, напряжённые минуты изучения. — Гораздо подробнее, чем то, что удалось разобрать Дубцу по обрывочным сведениям книги три месяца назад. И здесь же — подтверждение теории, которую он тогда только предполагал.

— Какой теории? — тут же спросила Ясна.

— Сила обряда действительно может быть направлена в двух совершенно разных руслах, — продолжил Кассий, водя пальцем по строкам древнего, местами полустёршегося текста. — Одно — то, что готовит провести Пастырь: извлечение жизненной силы Меченой изначальной крови для продления жизни причастных. Другое — куда более древнее, изначальное назначение обряда, о котором, судя по всему, сам Орден предпочёл забыть за три века практики худшего из двух вариантов.

— Запечатывание Раздела, — тихо произнесла Ясна, вспоминая рассказ Альрика о своём предке-создателе разлома.

— Именно так, — подтвердил Кассий. — Записи указывают: оба направления требуют одного и того же источника силы — крови изначального типа — но кардинально разного способа её приложения. Один — насильственное, одностороннее извлечение. Другой — осознанное, добровольное направление силы самой Меченой при поддержке достаточного числа союзников, готовых разделить с ней часть тяжести самого процесса.

Заря, слушавшая это откровение с нарастающим волнением, впервые за долгое время позволила себе слабую, но искреннюю улыбку.

— Значит, есть настоящий путь, — сказала она. — Не просто теория Дубца, а подтверждённое, записанное самими хранителями Ордена свидетельство того, что обряд можно провести иначе.

— Есть путь, — осторожно подтвердила Ясна, — но записи не говорят, насколько он труден или опасен на практике. Нам предстоит выяснить это самим, причём в условиях, далёких от идеальных.

Глава 30. Западный фронт

Пока отряд Ясны изучал найденные в архиве галереи сведения, далеко на западе, у стен Сольгарда, объединённое войско коалиции переживало собственный, не менее напряжённый этап затянувшейся осады, — вести об этом, впрочем скудные и с неизбежным запозданием, продолжали достигать отряда через ту же осторожную сеть связных, что служила им на протяжении всего пути через город.

Верба, руководившая осадой вместе с Ярошем и Зариной, столкнулась к этому времени с трудностями, о которых её донесения, доходившие до Ясны через цепочку посредников, сообщали со всё возрастающей тревогой.

«Гарнизон держится упорнее, чем мы рассчитывали, — гласило последнее полученное послание, зачитанное Кассием при тусклом свете масляной лампы в укрытии галереи. — Потери с обеих сторон растут. Дрок удерживает арьергард с исключительным мужеством, но резервы истощаются быстрее, чем мы способны их восполнить. Мы продержимся ещё некоторое время, но не бесконечно долго».

— Каждый день, что мы проводим здесь, в поисках верного пути к обряду, — тяжело произнесла Ясна, выслушав донесение, — стоит жизней тех, кто сражается сейчас у западных стен, отвлекая на себя внимание Ордена ради нашего с вами продвижения.

— Мы не можем действовать быстрее, чем позволяют обстоятельства, — возразила Хвоя, хотя и в её голосе слышалась та же тревога. — Поспешность сейчас, на пороге самого важного этапа всего похода, может обернуться куда более катастрофическим провалом, чем задержка ещё на день-два.

— Знаю, — тихо согласилась Ясна. — Но знание это не делает бремя чужой жертвы легче.

Сорен, наблюдавший за этим разговором с привычной уже готовностью разделить тяжесть её тревог, тихо заметил:

— Верба, Ярош и Зарина знали, на что шли, соглашаясь на подобный план. Они не хотят, чтобы их жертва обернулась напрасной поспешностью с нашей стороны. Лучшее, что мы можем сделать ради них, — довести дело до правильного, а не просто быстрого завершения.

Ясна кивнула, чувствуя, как груз ответственности за судьбы, связанные с её собственной, ложится на плечи ещё тяжелее прежнего, — но понимание, принесённое находкой в архиве хранителей, впервые за долгое время давало ей хоть какую-то уверенность в том, что цена всех этих жертв не окажется потраченной впустую.

Глава 31. Дрок держит линию

Вести, доходившие до отряда в городе, не передавали и половины истинного напряжения, царившего у западных стен Сольгарда, где Дрок, поставленный во главе арьергарда объединённого войска, вёл собственную, изматывающую борьбу за то, чтобы не позволить осаде обернуться катастрофическим разгромом.

Гарнизон столицы, извещённый об угрозе задолго до подхода коалиции, успел подготовить оборону куда более продуманную, чем встречала прежде военная кампания Родерика в северных землях, — регулярные, методичные контратаки, призванные измотать осаждающих не столько прямым военным поражением, сколько постепенным, неотвратимым истощением сил.

— Держим позиции, — командовал Дрок, координируя оборону арьергарда во время очередной, особенно яростной вылазки гарнизона, — не позволяем панике взять верх, вне зависимости от того, насколько тяжёлым кажется натиск.

Годы, минувшие с той поры, когда он был самым подозрительным, самым закрытым членом общины Дома теней, отказывавшимся доверять даже собственным союзникам, казались теперь бесконечно далёкими, — человек, которого теперь слушались десятки бойцов трёх некогда разрозненных общин, обрёл в себе твёрдость и ответственность, каких сам не подозревал в себе прежде.

— Ты держишься лучше, чем большинство опытных полководцев, каких мне доводилось видеть, — заметила Зарина, проверявшая позиции арьергарда во время короткого затишья между вражескими вылазками.

— Не думал, что доживу до похвалы от тебя, — с невесёлой усмешкой ответил Дрок, перевязывая наспех рану на предплечье, полученную в недавней стычке.

— Заслужил, — коротко ответила Зарина, вновь возвращаясь к прежней, деловой сосредоточенности. — Как думаешь, долго ли мы ещё продержимся в подобном темпе?

— Пока не придут вести из города, что дело сделано, — твёрдо ответил Дрок. — Не раньше и не позже. Ясна и её спутники рискуют куда больше нашего, пробираясь в самое сердце вражеской твердыни. Меньшее, что мы можем сделать, — не подвести их со своей стороны, каким бы тяжёлым ни оказалось это испытание.

Ночь опустилась над полем изнурительной осады, принеся с собой недолгую передышку перед неизбежным продолжением сражения на следующий день, — и Дрок, обходя позиции измотанного, но не сломленного арьергарда, чувствовал, как решимость, разделённая теперь тремя некогда разрозненными общинами, служит куда более надёжной опорой, чем любая отдельная стратегия или тактика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.